

СОДЕРЖАНИЕ

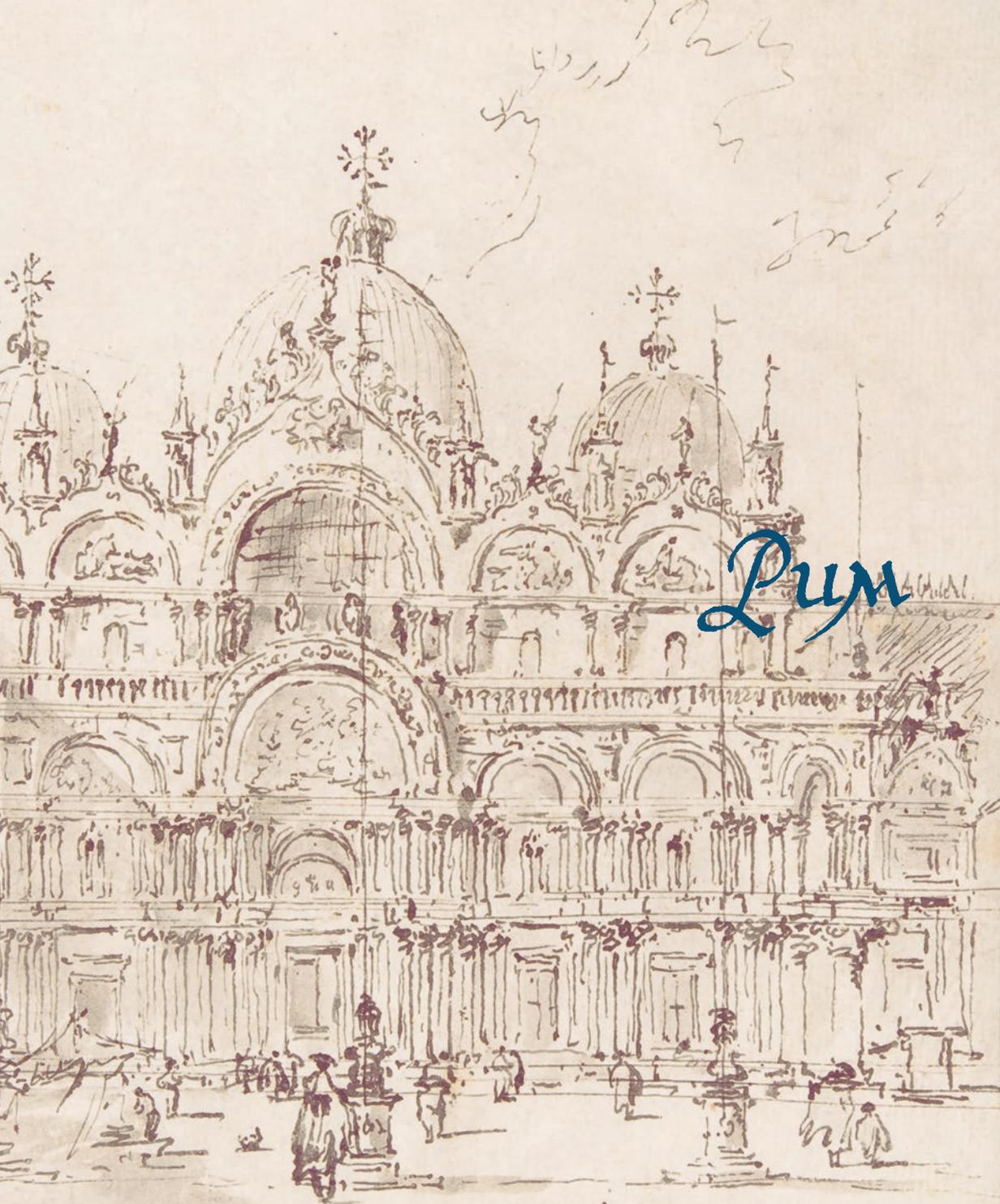
Рим

Чувство Рима	9
Античное	37
Христианский Рим	54
1	54
2	58
3	65
4	70
Мелоццо да Форли	75
Высокое Возрождение	87
Барокко	102
1	102
2	119
Пиранези	131
Римская Кампанья	137
1	137
2	146
3	150
4	157
5	163

Лациум

Дух Лациума	179
Остия	182
Кори	187
Нинфа	191
Субиако	194
Олевано	201
Палестрина	203
Корнето	205
Браччано	212
Витербо	216

Handwritten notes in the upper right corner, including the word 'Pym' and other illegible scribbles.

Pym

Handwritten signature or initials at the bottom center of the page.

Рим

Чувство Рима

Roma o morte *

Девиз Гарибальди

«Рим не такой город, как все другие города. У Рима есть очарование, которое трудно определить и которое принадлежит только ему одному. Испытавшие силу этого очарования понимают друг друга с полуслова; для других это загадка. Некоторые наивно признаются, что им непонятно таинственное обаяние, заставляющее привязываться к этому городу как к живому существу. Другие, напротив, делают вид, что испытывают его, но верные Риму очень скоро распознают этих лжеобращенных и выслушивают их улыбаясь — как улыбается истинный ценитель живописи или музыки при виде знатока, рассматривающего против света картину, которая его восхищает, или неверно отбивающего такт арии, которая приводит его в восторг».

Так начинается очерк о Риме одного из тончайших мыслителей и блестящих мастеров французской прозы, жившего в начале XIX века, Ж. Ж. Ампера. Его слова выражают истину, в которой мог убедиться каждый, кто жил в Риме, — ту истину, что есть особое чувство Рима. Оно с трудом поддается определению, потому что слагается из повседневных и часто мимолетных впечатлений жизни в Риме. Оно растет здесь с каждым новым утром, с каждым новым шагом, пройденным по римским улицам или окрестностям. Путешественник вдыхает его вместе с божественным, легким и солнечным воздухом Рима. Лишь иногда чувство, охватывающее здесь душу, не ускользает от сознания. Память сохраняет воспоминание об иных мгновениях, которые

* Рим или смерть (*um.*).

Шарль Ремон.
Вид на Колизей и арку Константина с Палаatina. Ок. 1822–1824 гг.

как бы открыли Рим душевному взору. Их цепь образует разнообразные узоры прошедших здесь разнообразных судеб и индивидуальностей. В них выражено то личное, что связывает каждого из нас с Римом, и одновременно то неизменное, что внушает Рим всякому, кто способен испытывать его очарование. Говоря о Риме, прежде всего помнишь не об его истории, его людях, древних памятниках и художественных сокровищах, но об этом чувстве Рима, записанном на страницах своей жизни, «той праздной и вместе занятой жизни, — по выражению Ампера, — спокойной и разнообразной, тихой, но без скуки и наполненной, но не утомительной, которую можно вести в Риме, которую можно вести только в Риме».

Одна особенность замечена всеми, кто писал о Риме. Надо время, чтобы испытать чувство Рима. Оно почти никогда не приходит в начале римской жизни, но зато нет никого, кто не испытал бы его после более или менее продолжительного пребывания. Очень верно говорит об этом Гаспар Валет, автор недавно вышедшей книги «Отражение Рима». «Очарование Рима, — пишет он, — не есть нечто мгновенное и внезапное. Оно не действует на приезжего сразу, не поражает его, как молния. Оно медленно, постепенно и неуклонно просачивается в его душу, мало-помалу входит в нее, проникает в нее все больше и больше, захватывает ее и наконец поглощает на всю жизнь. Сейчас, как и прежде, можно встретить в Риме немало художников, писателей и простых *dilettanti*^{*}, которые, приехав в этот город двадцать, тридцать или сорок лет тому назад, не могли с тех пор вырваться из него. Если бы теперь они и захотели сделать это, они были бы не в состоянии. И многие из этих горячо любящих Рим людей готовы признаться, что, если бы в первые дни после приезда у них нашелся какой-нибудь предлог, они не поколебались бы уехать».

Разочарование, которое приносят первые впечатления Рима, также отмечено многими. Рим часто кажется на первых порах негостеприимным. Путешественник, прибывающий сюда из тихих и благородно ненынешних городов Тосканы и Умбрии, невольно испытывает сжатие сердца, когда впервые выходит на обширную площадь перед станцией железной дороги, окруженную современными домами и наполненную деловым шумом большого европейского города. Открывающаяся отсюда перспектива банальной *Via Nazionale* малоутешительна. Вся эта часть города, древний Виминал и склоны Эсквилина и Квиринала, занята новыми кварталами, построенными в семидесятых и восьмидесятых годах, ради желания сделать Рим похожим на другие европейские столицы. Еще сорок лет назад здесь тянулись только огороды и виноградники. Выросшие на их месте новые улицы холодны, однообразны, уставлены тяжелыми и безвкусными

* Дилетанты (*ит.*).

- ☛ Площадь Святого Петра и собор Святого Петра.
Фотография. Ок. 1865–1890 гг.

домами. Не менее удручающее впечатление производят современные кварталы, выросшие еще более недавно за некоторыми городскими воротами, например за Порта Пиа и Порта Салариа. Великолепные луга тянулись когда-то по правому берегу Тибра от замка Св. Ангела и стен Ватикана до самого Понте-Молле. Теперь там образовался целый городок, состоящий из прямых широких улиц и огромных кубических домов. По счастью, этот квартал, Прати-дель-Кастелло, остался народным, и народная жизнь в два десятилетия успела несколько согреть его механическую правильность и деловитость. Легче примириться даже с бедностью и нищетой двух других новых народных кварталов, у Тестаччо и около Латерана, чем с безличной нарядностью таких улиц, какие проложены на месте уничтоженной виллы Людовизи, где на пепелище садов Ленотра свило свое неуютное гнездо правящее сословие объединенной Италии.

📷 Римский форум. Фотография.
Ок. 1890–1900 гг.

Дурное новое резко и неприятно поражает приезжего в первое время. Но очень скоро его как-то мало начинаешь замечать, и потом оно даже почти вовсе исчезает из представлений о Риме. Люди, живущие здесь долго и хорошо знающие Рим, всегда бывают несколько удивлены жалобами кратковременных гостей на бросающиеся в глаза современные дома и улицы. Они верят в таинственную способность этого города все поглощать, все делать своим, сглаживать острые углы и резкие границы различных культур, соединять на пространстве нескольких саженей дела далеких друг от друга эпох и противоположных верований. Никакие новые здания, даже такие, как только что оконченный монумент Виктора Эммануила или на редкость уродливая еврейская синагога на берегу Тибра, не в силах нанести Риму непоправимого ущерба. Колоссальные сооружения, вроде Дворца юстиции, здесь удивительно легко нисходят на степень незначительной подробности. Сильно помогает этому сама бесхарактерность современного строительства. Фонтан Бернини все еще

☛ Пантеон и фонтан Пьяцца-делла-Ротонда.
Фотография. Ок. 1890–1906 гг.

торжествует над бернинской перспективой Via del Tritone. Торговая суета улицы Витторио Эммануэле легко забывается перед фасадами палаццо Массими и Сант-Андреа-делла-Валле. Современная толпа на главном Корсо не мешает его великолепной строгости. И надо быть педантом, чтобы отчетливо выделить новое из окружающего и преображающего его старого в традиционном квартале иностранцев около Пьяцца-ди-Спанья.

Здесь, в этом старинном гнезде путешественников, на тех улицах, по которым ходили, и около тех домов, где жили Монтень, Пуссен, Китс, Гёте, Стендаль и Гоголь, больше всего понятна спиритуалистическая основа внушаемых Римом чувств. Здесь нет ни особых памятников, поражающих воображение, ни достопримечательностей, явно воскрешающих прошлое, ни художественных произведений, действующих на эстетическую восприимчивость. Здесь нет никаких материальных свидетельств производимого Римом очарования. Но оно чувствуется здесь с такой же силой и подлинностью, как

Leclerc 1825

Del. del.

Jules Romain.
 D'après le Tableau qui est au Musée.

à Paris chez Tardieu et Co Rue de Clugny, sous le N° 17.

Roussin, Raphaël
 N° 1492 du 1546

Portrait of Jules Romain

Portrait of Jules Romain

обыкновенным наслаждением и заразительным счастьем. Эпоха, которая умела глядеть так счастливо, уже не кажется нам холодной. И мы готовы даже простить Джулио Романо его тяжелое иногда движение и частую неровность в деле живописца, ибо, несмотря на это, через него доходит до нас что-то настоящее из той жизни. В станцах Рафаэля она ощущается мало, несмотря на точность отдельных портретов, на правдивость сцен, взятых из действительности. Эпоха Высокого Возрождения чувствуется с большей полнотой там, где Рафаэль выступает не один, а в обществе своих помощников. Он остается тогда чистым духом, объединяющим началом стиля, руководящей нитью, которая направляет их силы, имеющие более человеческое и более жизненное происхождение.

Таким является Рафаэль на вилле Мадама, построенной и украшенной под его руководством Джулио Романо и Джованни да Удине. В памяти путешественника, совершавшего прогулки в окрестностях Рима, она остается одним из самых привлекательных мест, какие ему случилось видеть. Он помнит ее уединение, заросшие травой и цветущим кустарником развалины переднего фасада, пустые и просторные залы, маленький запущенный сад, умолкнувшие фонтаны и вид на Тибр и на Кампанию, открывающийся с ее террас и балконов. Вилла Мадама почти утратила черты обитаемого жилища, но не вполне успела превратиться в руину, и такое соединение сообщает ей особую меланхолическую прелесть. Это одно из верных убежищ, которые современный Рим еще может предложить романтическим сердцам. И вместе с тем это лучший из дошедших до нас образов золотого века Возрождения. Мы узнаем здесь Рафаэля по удивительной ясности и благородной простоте общего архитектурного впечатления, по строгой соразмерности частей и ни на минуту не ослабевающей дорисованности всех форм. Джованни да Удине встречает нас под сводами лоджии своими летящими и танцующими гениями и райскими пейзажами. А в одной из внутренних зал нам остается только преклониться перед таким истинным шедевром декоративной живописи, как фриз Джулио Романо. На глубоком синем фоне великолепны красноватые тела его амуров, его женственные гении, расправившие крылья, его гирлянды бледных цветов и вьющиеся серебряные ленты. Огромное увлечение красотой видно здесь, и такой кипящий темперамент сказывается в каждом движении кисти Джулио Романо, что после этого уже не придет в голову о разобщенности искусства Высокого Возрождения с силами жизни. Нам только трудно примерить это искусство к теперешним понятиям,

☛ Огюст Тусен Леклер.

Портрет Джулио Романо. Гравюра с работы Джулио Романо. 1825 г.

ибо оно нуждалось в совершенно ином масштабе жизни. Современный человек чувствует себя немного потерянным в обширности этих зал, и гипсы Джованни да Удине на потолке вестибюля кажутся ему взлетевшими чересчур высоко. Не слишком ли грандиозны пилястры садового фасада для деревенского дома и не слишком ли торжественны арки открытой лоджии? Ее цель может показаться непонятной. Но она была понятна людям Высокого Возрождения, жаждавшим каких-то колоссальных объемов воздуха. Через широкие арки этой лоджии, построенной Рафаэлем, обильно вливалась сюда чистейшая благодать Божьего мира — пронизанное солнечным светом пространство.

Барокко

Рим

1

102

Павел Муратов

Современный путешественник не раз испытывает в Риме сожаление о тех временах, когда Стендаль мог бродить по кривым и немощным улицам папского города, искать одиночества среди заброшенных руин или набрасывать страницы дневника в своей комнате на Via Gregoriana с видом на купол Петра, поднимающийся над лугами Прати-дель-Кастелло. Рим многое потерял с тех пор и чем дальше, тем все больше и больше будет терять из своего, единственного в мире, важного, меланхолического и живописного великолепия. Никакая разумная заботливость не в силах отвести от него общую судьбу вещей, повернуть в более привлекательную сторону ход его истории. Достаточно взглянуть на то, что случилось за последнее время с местностью к северу от города, между Порта-дель-Пополо и Понте-Молле. Благодаря юбилейной выставке эти места уже неузнаваемы даже для того, кто видел их года два или три назад. Разумеется, прошли времена, когда можно было бы для утилитарных целей снести построенную Виньолой виллу папы Юлия III. Здание осталось в неприкосновенности. Но прелесть этого недавно еще тихого и уединенного места, этой поросшей травой площади и улицы, уходящей под темный свод Арко-Скуро, этого настоящего римского *vigna*, окруженного

Купол собора Святого Петра.
Фотография. 1900–1930 гг.

